

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.030

С. А. Пятовский

УДК 327.3 + 323.1 + 341(438:477)(091)

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ 1918–1919 гг. В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ*

В статье исследуется процесс урегулирования польско-украинского конфликта в Восточной Галиции 1918–1919 гг. Проводится сравнительный анализ политики Польши и ЗУНР по легитимации власти в спорном регионе. Рассматриваются посреднические инициативы стран Антанты и процесс разрешения вопроса в ходе Парижской мирной конференции, выявляются мотивы действий различных сторон. Главная задача автора — на конкретном наглядном примере продемонстрировать факт размывания и разрушения четких представлений о праве и справедливости в условиях гегемонии западных держав, получивших статус мировых арбитров после военной победы над германо-австрийским блоком. Такое положение позволяло им игнорировать принципы международных отношений и принимать решения, исходя из геополитических соображений, собственных империалистических интересов.

В работе использованы архивные и опубликованные документы: тексты международных договоров, протоколы заседаний Верховного совета Антанты, дипломатическая переписка, рапорты поветовых комиссаров ЗУНР, воззвания от имени польского населения Галиции и пр. Кроме того, учтены достижения современной историографии вопроса на русском, польском, украинском и английском языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международные отношения; конфликты; международное право; мирное урегулирование; польско-украинская война; Парижская мирная конференция; Версальская система; легитимность; справедливость.

Истоки польско-украинского конфликта в Восточной Галиции берут свое начало в середине XIX в., когда идея украинско-русинского этнокультурного самоопределения была выражена в форме общественно-политического движения, получившего название «украинофильство». В современной историографии существует точка зрения, согласно которой процесс складывания украинского этноса был поддержан Габсбургами для создания противовеса польскому сепаратизму и галицийскому движению «москвофилов» [см., например: Михутина, 2012; Wyszczelski, 2013]. Как бы то ни было, внутренняя политика австрийских властей обеспечила украинофильскому движению свободу развития. На рубеже XIX и XX вв. впервые появились массовые украинские партии, которым вскоре

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

удалось пробиться как в краевой сейм, так и в австрийский Рейхсрат. Наиболее влиятельные из них — национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая — ограничивались требованием выделения восточной части Галиции в качестве украинской национальной автономии, выражая при этом лояльность австрийскому государству. Эта относительно умеренная, но вполне реалистическая на тот момент стратегия стала препятствием для полноценного сотрудничества с приднепровским украинским движением. Разразившаяся в 1914 г. мировая война углубила противоречия. Галицийские политики сделали ставку на победу Германии и Австро-Венгрии, призывая создать независимую Украину на отвоеванных у Российской империи территориях. После получения санкции из Вены была создана Главная украинская рада, под эгидой которой затем формировался добровольческий полк Украинских сечевых стрельцов (УСС). Большая часть российских украинофилов либо поддержала царское правительство, либо заняла выжидательную позицию. Только основанный приднепровскими политэмигрантами Союз освобождения Украины поддержал войну против России [Литвин, с. 181]. В дальнейшем раскол украинского движения закрепился сепаратным миром между УНР и Центральными державами в феврале 1918 г. Его условия не предполагали объединения украинских территорий в рамках единого государства, оставляя Восточную Галицию в составе империи Габсбургов [Советско-германские отношения, д. 136, с. 300].

Польская политическая жизнь развивалась относительно свободно лишь начиная с последней трети XIX в., когда ослабленная внешними поражениями Австро-Венгрия смягчила свою национальную политику и пошла на уступки, предоставив галицийским полякам культурно-административную автономию. На рубеже веков возникли польские партии современного типа, и в отличие от украинских оппонентов, как правило лояльных Габсбургам, они имели различную внешнеполитическую ориентацию. Традиционной опорой монархии была правоцентристская партия консерваторов, однако самую заметную роль в борьбе за национальную независимость сыграли впоследствии две силы: революционная фракция Польской социалистической партии во главе с Ю. Пилсудским и Национал-демократическая партия под руководством Р. Дмовского. Стратегической целью обеих было возрождение независимого польского государства, однако тактика использовалась разная. В начале мировой войны пилсудчики — как и галицийские украинофилы — сделали ставку на победу Центральных держав, в то время как национал-демократы ориентировались на сотрудничество со странами Антанты. В августе 1914 г. союзу левых и демократических партий и организаций удалось достичь соглашения с консерваторами, которые стали посредниками в переговорах с Веней по вопросу создания польских легионов в составе австрийской армии [Garlicki, s. 259]. Для политического и хозяйственного обеспечения боевых формирований был учрежден Главный национальный комитет, куда вошли представители различных партий.

Нетрудно заметить, что ориентированные на Австро-Венгрию польские и украинские политические силы Галиции в условиях мировой войны

действовали по одному и тому же сценарию. Получив разрешение имперских властей, они учредили коалиционные организующие центры — Главный национальный комитет и Главную украинскую раду. Под эгидой данных органов формировались военные части: польский легион и батальон УСС. Таким образом, при всей непримиримости борьбы в Галиции, соперники имели как минимум одну точку соприкосновения — антироссийскую. Войну против царской империи они восприняли как необходимый этап национально-освободительного процесса.

Польский и украинский политические лагеря Восточной Галиции опирались на этнокультурные группы, обособленные друг от друга ввиду различий родного языка, традиционного вероисповедания, а также резкого социального расслоения. По данным австрийской переписи 1900 г. на русинско-украинском языке разговаривали 63,09 % из почти 5 млн жителей края. Польский язык называли в качестве родного 32,71 % населения, причем таковым его считали и многие галицийские иудеи, т. е. реальная доля этнически польского элемента была еще ниже. Это косвенно подтверждают сведения переписи о вероисповедании: в то время, как приверженцами греко-католической церкви называли себя 63,48 % жителей Восточной Галиции, что примерно совпадает с количеством русиноговорящих, то католиками римского обряда обозначились только 22,7 % населения [Макарчук, 1983, с. 36]. Исходя из этих цифр, можно сделать вывод о том, что поляки составляли не более четверти всех жителей спорного края. Тем не менее, они преобладали среди городских жителей, крупных и средних землевладельцев, доминировали в органах местного самоуправления. Это давало возможность неофициально проводить политику колонизации через оказание экономического и национально-религиозного давления на малоимущих русинских крестьян и батраков [Савченко, с. 60]. Однако, несмотря на подобное «этносоциальное» расслоение, польско-украинский конфликт 1918–1919 гг. так и не получил однозначно выраженного классового характера. Среди тех же бойцов УСС бытовали скорее радикально-националистические взгляды — ненависть не к «пану», а к поляку и еврею [Макарчук, 1997, с. 26].

Поражение германо-австрийского блока в конце 1918 г. кардинальным образом изменило ситуацию. Стремительный процесс распада Австро-Венгрии и Ноябрьская революция в Германии привели к ослаблению внешнего контроля как над оккупированными территориями бывшей Российской империи, так и над Галицией. Значительным фактором стали также революционные события и гражданская война в России. Отсутствие легитимных источников власти и неопределенность национальных границ привели к ряду локальных конфликтов, один из которых проходил в 1918–1919 гг. в Восточной Галиции.

Национальные границы послевоенной Европы зависели исключительно от воли держав-победителей. В основу будущей системы международных отношений были положены «14 пунктов» президента США В. Вильсона. Этот документ давал большие надежды народам, не имеющим государственности. Десятый пункт гарантировал всем народам Австро-Венгрии — а следовательно,

и галицийским русинам — «возможность автономного развития» в этнических границах. В тринадцатом пункте речь шла о создании независимой Польши, в состав которой должны были войти территории, «населенные бесспорно польским населением» [Wybór źródeł, 1997, Nr. 1, s. 9–10]. Нельзя однозначно сказать, какая сторона несла ответственность за разгоревшийся в ноябре 1918 г. вооруженный конфликт. Характерны слова Ю. Пилсудского, которыми он охарактеризовал восточное направление своей внешней политики: «там — двери, которые открываются и закрываются, и все зависит от того, кто и как широко распахнет их силой» [Kamiński, s. 13]. Не только Польша, но и ЗУНР стремилась добиться своей цели, поставив Запад перед свершившимся фактом. Однако военной победы было недостаточно — требовалась легитимация власти в глазах правящей элиты великих держав. Так первоочередной задачей обеих сторон стало обоснование своего права на власть в Восточной Галиции.

Первым шагом стало образование центров, призванных исполнить роль самопровозглашенного временного правительства, взяв территорию края под свой контроль. 18 октября 1918 г. во Львове собрались украинские депутаты местного сейма и австрийского Рейхсрата, а также представители основных партий: национал-демократической, христианско-социалистической, радикальной и социал-демократической. Провозгласив себя Украинской национальной радой, съезд избрал на пост председателя Е. Петрушевича, а затем объявил, что «вся украинская этнографическая область в Австро-Венгрии» отныне является «Украинской державой» [Макарчук, 1997, с. 43]. Польская сторона отреагировала с опозданием. Польская ликвидационная комиссия во главе с В. Витосом возникла лишь 28 октября в Кракове и не сумела помешать украинскому путчу, о подготовке к которому ей было известно [Wyszczelski, s. 13].

Говоря о вышеупомянутой комиссии, историк Я. Паевский утверждает: «несмотря на название, это было подлинное правительство <...> получившее власть над Восточной Галицией, опираясь на польскую администрацию, армию и полицию» [Rajewski, s. 38]. Способность контролировать территорию и поддерживать на ней порядок силой — спорный критерий легитимности власти. Но иные аргументы, не считая исторических доводов об «исконности» польского владычества над Галицией, попросту отсутствовали.

Одним из способов легитимации власти на первом этапе развязанного конфликта стали составление и сбор документов, якобы свидетельствующих о поддержке местного населения. В ноябре-декабре 1918 г. в адрес варшавского правительства и лично начальника панства Ю. Пилсудского поступила масса писем, телеграмм и коллективных петиций, объединенных общим призывом: двинуть войска на помощь польскому Львову. Некоторые из этих воззваний самобытны и, возможно, являются проявлением подлинного общественного беспокойства. Таким примером может служить письмо «польки из Пшемышля» к «дорогому коменданту» от 7 декабря: «Верю, что хочешь, как лучше. Но прошу, ответь, почему забываешь, почему не хочешь думать о Восточной Галиции, о тех чистых душою детях, которые идут на смерть, защищая свою землю

от варваров-украинцев?» [AAN, Kancelaria Cywilna, zes. 3, sygn. 198, l. 26]. Тем не менее, подавляющая часть тех документов была несомненно сфабрикована. Бросается в глаза однотипность формулировок и риторических приемов. Кроме того, совершенно неестественно выглядят приводимые «простым народом» глубоко идеологические доводы, которые впоследствии были использованы польской делегацией на полях мирной конференции в Париже. Ярким примером служит воззвание от имени русин и лемков Ново-Сончского повета, датированное 17 ноября, в котором проводится настоящий исторический экскурс в историю Галиции, завершающийся выводом о необходимости присоединения края к Польше, так как «галицийские русины жили под властью Польши со времен Владислава Ягеллы вплоть до первого раздела Речи Посполитой, то есть около 390 лет» [Ibid., l. 30–38].

Если среди воззваний ноября-декабря 1918 г. встречаются оригинальные по содержанию письма и телеграммы, не вписывающиеся в общую идеологическую канву, то вторая волна «документальных свидетельств», которая пришлась на май-июнь 1918 г., была практически полностью сфабрикованной и скоординированной. К этому времени польским войскам удалось нанести ряд поражений Украинской галицкой армии (УГА) и взять под контроль большую часть Восточной Галиции. Лидеры западных держав на конференции в Париже вскоре должны были вынести свой вердикт, поэтому новая волна документов, скорее всего, была призвана стать дополнительным доводом в пользу Польши. Речь идет о десятках резолюций, составленных от лица жителей городов и сел региона. Они якобы свидетельствовали о единодушной поддержке польских властей. Некоторые отличались оригинальной формой, но не содержанием. Большинство резолюций представляли собой стандартный бланк, куда следовало лишь вписать название населенного пункта и поставить подписи главы местной администрации и секретаря. Начинались они словами: «Мы, собравшиеся в ... граждане и гражданки свободной Республики Польской, требуем, чтобы Восточная Галиция была немедленно освобождена и присоединена к Польше. Исходя из этой цели, требуем от правительства, чтобы оно немедленно отправило войска для спасения Галиции от свирепствующих там болезней, голода и варварства» [Ibid., sygn. 199, l. 8].

В качестве аналогичных «свидетельств» можно рассматривать рапорты комиссаров правительства ЗУНР о ситуации на местах, составленные в ноябре-декабре 1918 г., когда украинские силы еще владели инициативой и контролировали немалую часть Восточной Галиции. Они отличаются самобытностью и явно отражают реальное положение точнее, нежели польские сфабрикованные воззвания. Например, в рапорте от 9 ноября комиссар М. Захидный так описал ситуацию в повете Бережаны: «На 10/XI во всех общинах повета назначены выборы гражданских комиссаров на основе прямого и общего голосования. В тот же день общины выберут по одному представителю для выборов комиссара повета и его заместителя в Бережанах. Пожилые поляки заявляют о своей лояльности. Молодежь сперва организовала свои боевые группы, но взглянув

на значительные военные силы в повете, бросила свою затею. Евреи в повете держат нейтральную сторону» [AAN, Kolekcja orgasowań..., zes. 45, sygn. 55, l. 13]. Делегат правительства А. Козакевич в донесении середины ноября из повета Бибрки сообщил о горячей поддержке населения: «В повете прошел с 11 по 15 число сего месяца общий призыв возрастов от 18 до 34 лет. Население радостно спешит под ружье, осозная, что несет ответственность за безопасность и целостность новообразованной украинской Державы. В ближайшие дни будет проведено обучение для новобранцев, необученных солдат. Население доставит в скорейшем времени хлеб, скотину и картофель» [Ibid., l. 8]. Процесс формирования органов местного самоуправления описан в протоколе собрания комиссаров Бучачского повета от 7 ноября: «На собрание явились 209 делегатов от 70 общин повета Бучачского <...> После выборов членов поветового комитета комиссар пояснил инструкцию УНР касаясь выборов мейских и сельских комиссаров и комитетов. Было решено созвать 11/11 сего года весь поветовый комитет с целью совещания и решения всех задач, поставленных в инструкции поветового комиссара УНР» [Ibid., l. 15–16].

Из этих документов следует, что Государственный секретариат ЗУНР подходил к задаче легитимации своей власти очень ответственно. Под контролем его комиссаров в поветах проводились выборы в органы местного самоуправления, явка и результаты которых были куда более серьезным аргументом, нежели эмоциональные воззвания от имени польского меньшинства. В то время, как Польша создавала лишь видимость, ЗУНР предпринимала меры для реального обеспечения легитимности своей власти. Однако военные поражения и территориальные потери не позволили завершить эту работу.

Российский историк С. А. Склярлов справедливо заметил, что польский и украинский национально-государственные проекты в Восточной Галиции изначально имели неравные шансы на реализацию из-за предубеждений западных держав против украинского движения [Склярлов, с. 137]. Во-первых, в годы войны галицийские украинофилы организовали батальон УСС и выступали на стороне Центральных держав, что лишало их доверия стран Антанты. Начальник польского панства Ю. Пилсудский также «запятнал» себя сотрудничеством с немцами и австрийцами, поэтому в начале 1919 г. посредником варшавского правительства в отношениях с Западом стал Польский национальный комитет в Париже во главе с Р. Дмовским. В украинском же движении не было союзов и организаций, ориентированных на Антанту в годы войны, что существенно затрудняло задачу дипломатов ЗУНР. Важным фактором также была позиция Франции, которая стремилась создать сильную Польшу, способную заменить Россию в качестве союзника на востоке, служить противовесом Германии и буфером на пути большевизма. Независимому украинскому государству не было места в планах французского руководства.

На первом этапе конфликта идею независимого русинского государства поддерживала Великобритания, не одобрявшая излишнего усиления Польши. Она призывала к прекращению огня и проведению плебисцита [Goldstein, p. 145].

В середине января 1919 г. во Львов отправилась британская миссия во главе с полковником Г. Уэйдом. Он выступил в качестве посредника мирных переговоров, однако компромиссный проект демаркационной линии не удовлетворил противников. Возмущение обеих сторон вызвала также идея временной оккупации силами Антанты нефтяного бассейна под Бориславом [Sprawy Polskie..., t. I, s. 227–230]. В конце января в спорный регион прибыла объединенная миссия Антанты под председательством французского генерала А. Бертело — главнокомандующего силами интервентов на юге России. Последнему удалось, пригрозив силой Антанты [Ukraine and Poland..., doc. 13, p. 78–79], добиться временного перемирия с 24 февраля 1919 г. Вскоре был сформулирован новый проект компромисса, согласно которому демаркационная линия проходила по р. Буг и железной дороге на Стрый, в 20 км к востоку от Львова, что совпадало с существовавшей линией фронта. Бориславский нефтяной бассейн отходил при этом под контроль Польши [Ibid., doc. 17, p. 85–86].

К концу февраля Директория УНР потеряла большую часть своей территории в результате наступления Красной армии и была вынуждена выбирать между полным крахом и компромиссным соглашением с Польшей. Главной атаман С. Петлюра склонялся ко второму варианту: отдать Галицию, чтобы сохранить хотя бы часть Приднепровья. Но такой вариант абсолютно не устраивал руководство ЗУНР, которое в таком случае лишалось собственной страны. Кроме того, галичан обеспокоило известие о переброске из Франции польской армии генерала Ю. Галлера, сформированной из эмигрантов и военнопленных, получившей французское оружие и подготовку. Командующий УГА генерал И. Омелянович-Павленко утром 2 марта отдал приказ о возобновлении наступательных действий [Грицкевич, с. 245].

Срыв мирных переговоров привел к расколу в украинском лагере. Пока части УГА продолжали вести бои на фронте, С. Петлюра пытался наладить сотрудничество со странами Антанты, взяв на себя невыполнимое обязательство создать 300-тысячную армию для войны с большевиками [Гражданская война, т. 1, д. 144, с. 201–202]. Руководство ЗУНР направило в Париж независимую делегацию — искать защиты непосредственно у Верховного совета Антанты. Ее возглавил заместитель госсекретаря иностранных дел ЗУНР М. Лозинский. Тем временем для разрешения польско-украинского конфликта в рамках мирной конференции в Париже была создана особая комиссия во главе с южноафриканским генералом Л. Бота. Предложенный им в мае 1919 г. новый проект демаркационной линии был отвергнут польским командованием, получившим подкрепление и стремившимся завладеть всей Восточной Галицией. Делегация ЗУНР предприняла попытку добиться помощи через генерала Л. Бота, изложив в письме от 24 мая свои многочисленные и вполне справедливые жалобы, но в ответ получила сухой и короткий ответ: «вопрос будет решен советом так, как тот посчитает нужным» [Documents..., vol. III, No. 227, p. 322–323].

В конце мая 1919 г. судьба ЗУНР уже была предрешена. Даже главный противник усиления Польши, британский премьер Д. Ллойд Джордж, выразив

возмущение своеволием Ю. Пилсудского, не стал отстаивать право украинцев на государственность. 27 июня в Париже состоялось решающее заседание по этому вопросу, на котором глава британского МИДа А. Бальфур заявил, что «большевики атаковали Галицию», а союзники лишь «препятствуют действиям Польши» по защите своей независимости. Ввиду таких чрезвычайных обстоятельств он предложил разрешить временную оккупацию Восточной Галиции при условии, что в дальнейшем польское правительство обеспечит свободное самоопределение русинскому населению. Присутствующие на заседании представители западных держав поддержали своего британского коллегу и вынесли соответствующую резолюцию [Documents..., vol. III, No. 700, p. 844–850].

Хотя власть правительства ЗУНР имела самопровозглашенный характер, она обладала внутренними основаниями легитимации. Украинские политики могли рассчитывать на поддержку русинского этнокультурного большинства и стремились как можно скорее провести выборы в органы местного самоуправления, чтобы получить реальное свидетельство поддержки населения. Польская сторона сделала ставку на исторические доводы и силу оружия, чего оказалось достаточно. В упомянутом выше письме делегации ЗУНР к генералу Л. Бота указывается на несправедливость того, что Польша получает военную помощь Антанты. Вслед за этими упреками — наивные слова: «В надежде, что великие державы продемонстрируют силу правосудия, мы прибыли в Париж» [Ibid., No. 227, p. 322–323]. Дипломаты просили заступничества у покровителей своих же врагов. Кажется парадоксальным, но члены Верховного совета Антанты сумели сохранить статус признанных мировых арбитров, хотя открыто пренебрегали установленными принципами международного права, действуя из собственных империалистических интересов и геополитических соображений. «Идеалист» В. Вильсон отказался от собственного десятого пункта о праве народов Австро-Венгрии на автономное развитие, подчеркнув, что теперь важнейшей задачей является создание «санитарного кордона» против большевизма [Ibid., No. 231, p. 326–328]. Геополитический произвол западных держав, основанный на их экономической и военной мощи, обесценивал смысл каких-либо принципов, способствовал размыванию всяких представлений о праве и справедливости в международных отношениях.

Гражданская война на Украине 1918–1920. Сборник документов и материалов : в 3 т., 4 кн. / под ред. С. М. Короливского. Киев : Наук. думка, 1967.

Грицкевич А. П. Борьба за Украину, 1917–1921. Минск : Современ. шк., 2011.

Литвин Н. Р. Украинский вопрос в годы Первой мировой войны: проблема исследования // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1 / под ред. М. Волоса, Г. Д. Шкундина. М. : Квадрига, 2012. С. 179–184.

Макаrchук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов : Выща школа, 1983.

Макаrchук С. А. Українська Республіка галичан. Львів : Світ, 1997.

Михутина И. В. Национальное движение русинов Галиции во время Первой мировой войны // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1 / под ред. М. Волоса, Г. Д. Шкундина. М. : Квадрига, 2012. С. 185–207.

Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М. : ИСБ, 1995.

Скляр С. А. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа : сб. ст. / под ред. Р. П. Гришина, В. Л. Малькова. Москва : ИСБ, 1996. С. 136–158.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1 / под ред. С. Дерберга и др. М. : Политиздат, 1968.

AAN. Zespół № 3. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa w Warszawie 1918–1922. Sygn. 198–199. Akta Kancelarii Cywilnej NP. Wschodnia Galicja i oborona Lwowa.

AAN. Zespół № 45. Kolekcja opracowań i odpisów dokumentów dotyczących stosunków Polski z Łotwą, Litwą, Rosją Radziecką, Gdańskiem, Ukrainą 1914–1928, 1932–1938. Sygn. 55. Odpisy raportów delegatów Ukr. Nac. Rady z listopada r. 1918.

Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Vol. 3 / ed. by E. L. Woodward, R. Butler. London : H. M. State office, 1949.

Garlicki A. U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa : PWN, 1983.

Goldstein E. Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford : Clarendon press, 1991.

Kaminski M. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa : Gryf, 1993.

Pajewski J. Budowa Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1926. Poznań : UAM, 2007.

Sprawy Polskie na Konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dokumenty i materiały / oprac. K. Lapter, J. Kukulka. Warszawa : PWN, 1965.

Ukraine and Poland in documents 1918–1922. Part I / ed. by T. Hunczak. New York : Shevchenko Scientific Society, 1983.

Wybór źródeł do historii powszechnej, 1918–1945. Cz. 1 / oprac. B. Renz, B. Szabat. Kielce : Wyższa szkoła pedagogiczna im. J. Kochanowskiego, 1997.

Wyszczelski L. Wojna o polskie Kresy 1918–1921. Warszawa : Bellona, 2013.

Статья поступила в редакцию 14.12.2015 г.

Пятовский Сергей Александрович
аспирант кафедры всеобщей истории
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург,
наб. р. Мойки, 48
E-mail: sapiatovskij91@mail.ru

Piatowski, Sergej Aleksandrowicz
Postgraduate student,
Chair of General History,
Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg)
48, River Moyka Embankment,
191186 Saint Petersburg, Russia
E-mail: sapiatovskij91@mail.ru

THE POLISH-UKRAINIAN CONFLICT OF 1918–1919 IN THE CONTEXT OF THE RISE OF THE VERSAILLES SYSTEM

The article studies the process of peace settlement of the war in Eastern Galicia between 1918 and 1919. The author conducts a comparative analysis of the policy

of Poland and the West Ukrainian People's Republic meant to legitimate power in the disputed region. He also studies the mediation initiative of the Entente and the conflict settlement process during the peace conference in Paris, revealing the motives of the parties' actions. With reference to a particular example, the article mainly aims to prove that the idea of law and justice was degrading and failing due to the hegemony of western states that assumed the role of world arbiters following the defeat of the German-Austrian alliance. This status let them ignore the principles of international relations and take decisions relying on geopolitical motives and their own imperialist interests.

The analysis is made with reference to archival and published sources, i.e. texts of international treaties, minutes of the Supreme War Council's meetings, diplomatic correspondence, reports of povit commissars of the West Ukrainian People's Republic, appeals on behalf of the Polish population of Galicia, etc. Additionally, the author takes into account the achievements of modern historiography relating to the issue in question in the Russian, Polish, Ukrainian, and English languages.

Key words: international relations; conflicts; international law; peace settlement; Polish-Ukrainian war; Paris Peace Conference; Versailles system; legitimacy; justice.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (project 14-18-00390) in Herzen State Pedagogical University of Russia.

Dernberg, S. (Ed.). (1968). *Sovetsko-germanskije otnosheniia ot peregovorov v Brest-Litovsk do podpisaniia Rappal'skogo dogovora* [The Soviet-German Relations from the Negotiations in Brest-Litovsk to the Signing of the Treaty of Rapallo] (Vol. 1). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Garlicki, A. (1983). *U źródeł obozu belwederskiego* [At the Origins of the Belvedere Camp]. Warszawa: PWN. (In Polish)

Goldstein, E. (1991). *Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920*. Oxford: Clarendon Press.

Gritskievich, A. P. (2011). *Bor'ba za Ukrainu, 1917–1921* [The Struggle for Ukraine, 1917–1921]. Minsk: Sovremennaia shkola. (In Russian)

Hunczak, T. (Ed.). (1983). *Ukraine and Poland in Documents 1918–1922* (Part 1). New York: Shevchenko scientific society. (In Ukrainian and Polish)

Kaminski, M. (1993). *W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939* [In the Shadow of Danger. The Foreign Policy of the Polish Republic 1918–1939]. Warszawa: Gryf. (In Polish)

Korolivski, S. M. (Ed.). (1967). *Grazhdanskaia voina na Ukraine 1918–1920. Sbornik dokumentov i materialov* [The Civil War in Ukraine in 1918–1920. A Collection of Documents and Materials]. Kiev: Naukova dumka. (In Russian)

Lapter, K., & Kukułka, J. (Eds.). (1965). *Sprawy Polskie na Konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dokumenty i materiały* [The Polish Issues at the Paris Peace Conference in 1919. Documents and Materials]. Warszawa: PWN. (In Polish)

Litvin, N. R. (2012). *Ukrainski vopros v gody Pervoi mirovoi voyny: problema issledovania* [The Ukrainian Question during World War I: Research Problem]. In M. Volos, & G. D. Shkundin (Eds.), *Narody Gabsburgskoi monarchii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniiu natsional'nykh gosudarstv* [The Nations of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States] (Vol. I, pp. 179–184). Moscow: Kvadriga. (In Russian)

Makarchuk, S. A. (1983). *Etnosotsial'noe razvitiie i natsional'nye otnosheniia na zapadno-ukrainskikh zemliakh v period imperializma* [Ethno-Social Development and National Relations in the West-Ukrainian Lands in the Period of Imperialism]. Lviv: Vishcha shkola. (In Russian)

- Makarchuk, S. A. (1997). *Ukrainska Respublika galichan* [The Ukrainian Republic of Galicia]. Lviv: Svit. (In Ukrainian)
- Mikhutina, I. V. (2012). Natsional'noe dvizhenie rusinov Galicii vo vremia Pervoi mirovoi voyny [The National Movement of Rusyns of Galicia during World War I]. In M. Volos, & G. D. Shkundin (Eds.), *Narody Gabsburgskoi monarchii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizhenii k sozdaniu natsional'nykh gosudarstv* [The Nations of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States] (Vol. 1, pp. 185–207). Moscow: Kvadriga. (In Russian)
- Pajewski, J. (2007). *Budowa Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1926* [The Construction of the Second Polish Republic 1918–1926]. Poznań: UAM. (In Polish)
- Renz, B., & Szabat, B. (Eds.). (1997). *Wybór źródeł do historii powszechnej, 1918–1945* [Selected Sources on Universal History, 1918–1945] (Part 1). Kielce: Wyższa szkoła pedagogiczna im. J. Kochanowskiego. (In Polish)
- Savchenko, V. N. (1995). *Vostochnoslaviansko-polskoe pogranič'e, 1918–1921. Etnosocial'naia situacija i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevanie* [East Slavic – Polish Frontier, 1918–1921. The Ethno-Social Situation and State-Political Demarcation]. Moscow: ISB. (In Russian)
- Skliarov, S. A. (1996). Opredelenie polsko-ukrainskoi granicy na Parizhskoi mirnoi konferencii [The Determination of the Polish-Ukrainian Border at the Paris Peace Conference]. In R. P. Grishina, & V. L. Mal'kova (Eds.), *Versal' i novaia Vostochnaia Evropa: sbornik statei* [Versailles and New Eastern Europe: A Collection of Articles] (pp. 136–158). Moscow: ISB. (In Russian)
- Woodward, E. L., & Butler, R. (Eds.). (1949). *Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series* (Vol. 3). London: H. M. State office.
- Wyszczelski, L. (2013). *Wojna o polskie Kresy 1918–1921* [The War for the Polish Frontiers 1918–1921]. Warszawa: Bellona. (In Polish)

Received 14 December 2015